

В. К. Шабельников

РАЗГАДАННЫЕ И НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Метод планомерного формирования умственных действий П.Я. Гальперина предполагает раскрытие внутренней структуры действий, скрытой от прямого наблюдения, но существующей как объективная реальность. В статье обсуждается проблема истоков и оснований логики и структуры умственных действий. Сопоставляются взгляды философов (Платон, Аристотель, Майстер Экхарт, Гегель) и психологов (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев) на проблему оснований детерминации умственных структур. Выделены нерешенные проблемы детерминации умственных действий.

Ключевые слова: умственное действие, деятельность, субъект, формирование, структура, основы логики, психология, культура.

The method of intelligent processes formation by P.Ya. Galperin takes as principal a depiction of structure of activity hidden from sense but existing as objective reality. A problem of logic bases and sources as well as of the structure of mental actions is point at issue of the article. Compared are the of the philosophers' views (Plato, Aristotle, Meister Eckhart, Hegel) and of psychologist's (J. Piaget, L. Vygotsky, A.N. Leontiev) on the grounds of mental **structures** determination. Unsolved problems of mental actions determination are emphasized.

Key words: mental action, activity, subject, formation, structure, logic bases, psychology, culture.

Человек как субъект формируемый. Проблема познания источников логики умственных действий в философии и науке

В течение тысяч лет формирование умственных действий было скорее мистической проблемой, чем предметом рационального исследования. Два аспекта этой проблемы выходили за рамки их понимания. Во-первых, — это *логичность* умственных действий, позволяющая человеку понимать мир и решать жизненные задачи, удивительная организованность структур понятийного мышления,

Шабельников Виталий Константинович — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой педагогической психологии РГГУ. *E-mail:* shabelnikov@rambler.ru

скрытая в механизмах, обеспечивающих логичность и результативность мыслительных актов. Во-вторых, не менее загадочный аспект формирования умственных действий — это источники, формирующие умственные способности человека. Являются ли понятия и логические схемы, обеспечивающие продуктивность умственных действий, порождением активности самого человека, продуктом его собственного творчества? Или же сложные умственные конструкции создаются не умом человека, а интериоризируются, «имплантируются» в психику из внешних истоков, создающих субъектную основу умственной деятельности? В пользу последнего говорит факт совпадения логической организации понятий с логикой объективной реальности, проявляющейся в формах и взаимосвязи внешних явлений, отражаемых умственными актами.

Платон, поднявший проблему соответствия умственных понятий логике организации внешних вещей, утверждал общность источника ума и форм мировых явлений. Не имея возможности наглядно представить этот источник и процедуру передачи понятийных систем уму человека, Платон заложил традицию не научного, а мистического толкования путей формирования умственных действий: вынес источник логики ума и мировых процессов за пределы наблюдаемого мира. «Мир идей» он расположил за звездами, вне материального мира, что сделало этот источник понятий принципиально недоступным для научного изучения. В последующие столетия мистическая традиция толкования основ умственных актов была еще жестче закреплена в христианской теологии. Бог как единый источник и мира и субъектности человека стал личностным, произвольным, а потому еще менее доступным рациональному анализу, чем невидимый, но стабильный мир идей у Платона¹. Недоступными рациональному пониманию считались и души людей как детерминаторы психических процессов. Но при нарастании у европейцев личностных субъектных амбиций ситуация изменилась. В отношении к проблеме формирования умственных действий столкнулись две позиции человека как субъекта действия, породив разные, почти противоположные традиции отношения к этой проблеме. В формировании умственных действий человек может видеть себя в роли *формируемого* существа, формируемого и в организации своих действий, и в исходных основаниях своей

¹ Произвольность Бога признавалась как его способность принимать решения и действовать вопреки логике законов природы. Это положение христианской теологии было одним из пунктов дискуссии о возможности познания Бога. Если Бог произволен, то познать его логику невозможно. Положение же об отрицании произвольности Бога позволяло Майстеру Экхарту и другим западным теологам говорить о возможности познания Бога через закономерности событий природы (см.: Реутин, 2011).

субъектности и психичности. Но он может видеть себя и в роли субъекта, *формирующего* свои или чужие действия. Если осмысление себя как существа формируемого больше проявилось в теологических и философских концепциях, то позиция субъекта формирующего реализовала себя в научных теориях.

Научное мировоззрение выразило амбиции людей, протестующих против своей тварности, стремящихся ощутить себя творцами и покорителями реальности. Эта позиция укрепилась в XVI—XVII вв., на волне кризиса религиозного мироощущения. Люди определенно сумели показать себя творцами по отношению к различным механизмам. Не случайно именно опыт создания машин, подчиненных воле человека, стал опорой научной логики объяснения явлений. Образы машин, создаваемых и управляемых людьми, стали основой толкования устройства всяких сложных объектов, включая самого человека. Р. Декарт предложил описание организма как рефлекторного механизма, а затем философы и психологи начали объяснять по аналогии с механическими устройствами и устройство психики человека. Психологи научной ориентации старались представлять психику в образах, доступных механистическому толкованию, последовательно устраняя из картины психической реальности все, что выходило за границы понимания. Если философы теологической ориентации не считали зазорным и неприемлемым признавать что-то непонятное и необъяснимое в логике мышления, то психологи научного толка старались все психические явления представлять объяснимыми, сводя причины и основания психики к простым элементам и связям. Следствием такого подхода стало устранение из психологических теорий всех необъяснимых и непонятных моментов организации психических явлений, упрощение психики до степени ее ложной понятности. Желание сделать психику доступной ее описанию в формах механических конструкций привело к тому, что она стала представляться как совокупность элементов, из которых она якобы составлена. Понятия, лежавшие в основе понимания человеком мира, прежде видевшиеся загадочными в логике их организации и в источниках, детерминирующих эту логику, тоже были представлены просто — в виде совокупностей признаков сходных объектов (Дж. Локк).

Но логика порождения психики не укладывалась в механистические представления, истоки возникновения психических систем и субъектных качеств человека оставались необъясненными. Ответом на эту необъясненность стало то, что научная психология просто вывела процессы формирования психики за рамки осмысления. Научные теории стали представлять основы психики не силами и процессами, ее формирующими, а рефлекторными актами, рассматриваемыми не как физиологические компоненты психики, а как

ее причины. Истоки психических форм, ранее представлявшие невидимыми силами, формирующими ум и сознание человека, были заменены мозгом, доступным анатомическому изучению².

Методами психологии стали самонаблюдение и наблюдение за поведением человека. Самонаблюдение рассматривалось как основной метод психологии вплоть до XX в. Но психические образования не обнаруживали себя как видимые процессы, а проявлялись лишь своими продуктами. За рамками внимания психологии оказались не только истоки, детерминирующие психику, обеспечивающие ее становление и организацию, но и многие процессы, протекающие в самой психике. В XX в. психологи стали признавать несостоятельность самонаблюдения в познании психических структур. На первый план вышли методы познания психических процессов в ходе их формирования. «Сокращенные формы психической деятельности, — писал П.Я. Гальперин, — совсем не похожи на свои начальные формы и, взятые сами по себе, они по своей молниеносности, производительности и неуловимости представляют собой для непосредственного наблюдения нечто поистине удивительное и малопонятное» (Гальперин, 1959, с. 445).

Ключевая идея П.Я. Гальперина состоит в следующем: если организацию автоматизированных психических структур невозможно раскрыть методом их прямого наблюдения или самонаблюдения, то эту организацию все же можно раскрыть в процессе активного и планомерного формирования этих структур. «Если учесть, — писал П.Я. Гальперин, — что по законам формирования (не только поэтапного, но и всякого) хорошо освоенные части деятельности в нормальных условиях “спонтанно” сокращаются и в заключительной форме явления как бы отсутствуют, то не будет преувеличением сказать, что сегодня метод поэтапного формирования является, пожалуй, единственным методом собственно психологического анализа... лишь в процессе становления и развития открывается подлинное содержание и строение психологических процессов и явлений» (Управляемое..., 1977, с. 3—4).

Поиск механизмов, организующих логические структуры при формировании умственных действий. Жан Пиаже

Конструирование умственных действий как заданных форм поведения начали проводить американские бихевиористы. Отказавшись от метода самонаблюдения и описания психических явле-

² При этом физиологи, изучавшие мозг и рефлекторные процессы, тоже или не ставили вопросов об источниках логической организации этих систем, или выносили проблему их формирования за пределы рационального объяснения.

ний, они стали описывать действия, представляя их композициями из простых элементов, а затем взялись и за конструирование из элементов всего поведения человека. Но вопросы об организации формируемых действий сводились здесь к организуемому психологом взаимодействию элементарных актов и их подкреплению; схема действий задавалась экспериментатором. О наличии какой-либо собственной логики действий, определяемой внешними или внутренними источниками, детерминирующими их структуру, речи не было. Психолог видел себя конструктором, собирающим действия из простых элементов.

Логику структур мышления и пути становления этой логики в научной психологии начал исследовать Ж. Пиаже, который, в отличие от бихевиористов, сводивших структуры мышления к локальным связям элементов, поставил вопрос об удивительной сложности логических композиций, проявляющихся в мышлении. После долгого периода игнорирования проблемы порождения сложных логических форм, Пиаже вновь обратился к этой проблеме, т.е. снова стал рассматривать человека в образе не формирующего, а формируемого существа. Этим Пиаже фактически сделал вызов мистической традиции, объяснявшей организацию мышления проявлением субъектности невидимых формирующих сил. Со времен Платона проблема формирования логики мышления не решалась без представления о мировых истоках логических форм, либо без представлений о высшем субъекте, формирующем человека.

Пиаже проанализировал логику умственных операций и детально описал формирование логических структур у детей. Как последователь научной традиции, Пиаже не хотел вводить в процессы формирования умственных актов какие-либо силы, организующие мышление, помимо активности самого человека. Он стремился обнаружить истоки логики непосредственно в опыте человека, в развитии действий ребенка с предметами. Но удалось ли ему объяснить становление логических структур без введения в развитие мышления загадочных сил, организующих логику?

Пиаже исходил из идеи, что источником развития мышления является действие человека. В основу объяснения мыслительных структур он положил представление об интериоризации — переносе внешних предметных действий в умственный план, где умственные действия выполняются по схемам, сходным с исходными внешними действиями. Как значимые моменты становления мышления были выделены интериоризация и координация действий, складывающихся вначале в плане физического взаимодействия человека с объектами, а затем во внутреннем плане мышления. «С психологической точки зрения операции, — писал Пиаже, — это действия, которые перенесены внутрь, обратимы и скоординированы в системе, под-

чиняющейся законам, которые относятся к системе как к целому. Они представляют собой действия, которые, прежде чем они стали выполняться на символах, выполнялись на объектах» (Пиаже, 1969а, с. 579).

Вначале кажется, что Пиаже описал процессы формирования логики умственных действий, опираясь только на активность самого ребенка. Однако, внимательно читая его тексты, видишь, что он вводит в развитие интеллекта некие организующие силы, формирующие мышление. «Таким образом, — пишет он, — объяснение интеллекта, короче говоря, сводится к тому, чтобы поставить высшие операции мышления в преемственную связь со всем развитием, рассматривая при этом само это развитие как эволюцию, направляемую внутренней необходимостью к равновесию» (Пиаже, 1969б, с. 107). Каким образом «внутренняя необходимость к равновесию» направляет эволюцию интеллекта к формированию именно нужных, правильно организуемых логических структур? Почему стремление к равновесию приводит к образованию именно этой, а не иной умственной схемы? Откуда стремление к равновесию черпает общие для людей логические формы?

Как показывает Пиаже, мышление представляет собой не просто сумму внутренних действий, а целостную систему скоординированных операций. Координация движений в структуры отдельных действий, а затем координации действий в структуры операций выступают у Пиаже особенно умными организаторами умственных операций. На разных возрастных стадиях развития эти координации создают сложные композиции действий. «Если рассмотреть теперь механизм этого развития, а не только его прогрессирующее расширение, то можно констатировать, что каждый уровень характеризуется новой координацией элементов, получаемых уже в состоянии целостности, хотя и низшего порядка» (там же, с. 206).

При столь важной роли координаций в формировании интеллекта естественно возникает вопрос об их природе. Ведь координации выполняют функцию организаторов интеллекта, обеспечивают его строение. За словом «координация» скрыта функция детерминатора, организующего правильную логику мышления. Является ли координация, работающая на всех стадиях развития интеллекта, настолько направленным субъектом, чтобы создавать структуры, подчиненные законам логики? Несмотря на важность вопроса о природе координаций, Пиаже уходит от ясного ответа на него: «Общие координации действия, — пишет он, — в конечном итоге связаны с нервными координациями... Нервные координации сами зависят от органических координаций в целом, которые по своей природе являются физико-химическими. На вопрос, почему

математика приспособливается к физической реальности, если она является не абстракцией физического опыта, а абстракцией общих координаций действия, можно получить ответ в биологии» (Пиаже, 1965, с. 51).

Стремясь описать формирование умственных операций без участия субъектных сил, организующих логику операций, Пиаже использует прием, обычный для научных объяснений. Научно мыслящие исследователи, не желая признавать субъектную сложность организующих сил, формирующих логику мысли, либо игнорировали организующие функции формирующих процессов, либо переносили организующие функции на простые процессы и элементы. Стараясь избавить формирование ума от организующих его сил, теоретики распределяли функции создания сложных структур среди бессубъектных сил и процессов. Описывая механизмы, детерминирующие развитие мышления, Пиаже тоже распределяет функции построения умственных структур. «Генезис пространства в сенсомоторном интеллекте, — пишет он, — целиком подчинен прогрессирующей организации движений, а они действительно стремятся к структуре группы» (Пиаже, 1969б, с. 169). Субъектные способности проявляют здесь сами движения, которые стремятся не абы куда, а именно «к структуре группы». Помимо логично стремящихся движений Пиаже представляет и другие процессы, формирующие интеллект: «последовательные координации (композиция), возвраты (обратимость), отклонения (ассоциативность) и сохранения позиций (идентичность) постепенно порождают группу как фактор необходимого равновесия действий» (там же). Откуда все эти координации, возвраты и отклонения черпают нужные схемы, организующие умственные действия?

В развитии действий Пиаже выделяет и другие важные моменты. Это ассимиляция (включение информации от объектов в схему действия), аккомодация (подстраивание схем действия к объектам) и адаптация. Оценивая вводимые Пиаже понятия, П.Я. Гальперин и Д.Б. Эльконин писали: «Во-первых, ассимиляция, аккомодация и адаптация характеризуют эти неведомые процессы только по результату и даже, верней, по назначению (потому что результат не всегда достигается); по содержанию эти процессы так и остаются неизвестными и могут оказаться самыми разными. Во-вторых, и результаты этих процессов на физиологическом и психологическом уровне глубоко различны и в некотором отношении прямо противоположны» (Гальперин, Эльконин, 2001, с. 298).

Пиаже во всех случаях подменяет проблему выявления истоков логики мышления (находящихся все же не в формах мышления, а где-то в реалиях, детерминирующих эти формы) описанием разных характеристик самих умственных действий. Это традиция научной

логики — объяснять процессы не скрытыми детерминирующими причинами, а описанием видимых сторон изучаемых процессов³.

Объясняя формирование действий его отдельными моментами, доступными нашему пониманию, Пиаже ставит нас как бы выше процесса, который он старается объяснить. Удовлетворяя этим амбицию интеллектуального превосходства над проблемой порождения умственных структур, он все же уводит своих последователей от вопроса об истоках логических форм.

Л.С. Выготский. Культура как основа логики умственных действий

В российской психологии сложилась иная, чем у Пиаже, трактовка оснований логики психических процессов. Советские психологи искали истоки организации психических процессов не в отдельных процессах и законах биологии и не в автономных самоорганизующихся действиях, порождающих мышление, а в социальной детерминации психики. Общим для Пиаже и советских психологов было представление об интериоризации, о формировании умственных действий путем переноса в мышление схем действий, складывающихся во внешнем плане, во взаимодействии людей с внешним миром. Но у Л.С. Выготского понятие интериоризации приобрело иной смысл, чем у Пиаже. Вначале действия ребенка формируются как совместные, с участием взрослых, организующих действия в соответствии с социальной логикой, а затем дети регулируют действия по заданной им логике сами, с опорой на интериоризированные психологические средства. «Всякая высшая психическая функция, — писал Л.С. Выготский, — была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально является средством воздействия на других или средством воздействия других на личность» (Выготский, 1956, с. 197). Если Пиаже представлял интериоризацию как перенос в умственный план автономных действий ребенка, складывающихся в индивидуальном контакте с объектами, то у Выготского интериоризация — это переход от межличностных, «интерпсихических» действий к индивидуальным и внутренним, «интрапсихическим» действиям. Не только умственные действия, но и другие психические процессы приобрели здесь довольно убедительный источник своего конструирования — общество взрослых, организующих действия

³ В религии стремление подчинить своему пониманию истоки детерминации человека выразилось в придании этим истокам образа подобия самому человеку, а наука вообще отказалась от изучения детерминирующих человека реалий и заменила понимание основ детерминации действий описанием характеристик и компонентов этих действий.

ребенка. Истоки строения психических функций стали искажаться в социальном опыте, в культуре общества, представляемой в виде единой социальной реальности.

Направив внимание на культуру как на основу действий, Выготский вывел психологию на невидимую реальность, в которой, возможно, лежат основания логики действий. Если у Пиаже действия получают свою структурность от «координаций» и «стремлений к группе», довольно сомнительных в их способности организовывать логические формы, то «интерпсихические» действия вполне могут приобретать свою логичность от взрослых как носителей логики действий. А за формирующими действие взрослыми стоят социум и культура. Функция организатора психического развития ребенка возлагается у Выготского на «социальные ситуации развития», в которых действия приобретают логику. Конкретизируя представления о развитии личности на разных возрастных стадиях, Выготский, писал: «Следует признать, что к началу каждого возрастного периода складывается совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. Это отношение мы и назовем *социальной ситуацией развития* в данном возрасте. Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности как из основного источника развития, тот путь, по которому социальное становится индивидуальным» (Выготский, 1984, с. 258—259).

В представлении Выготского о социальных ситуациях как об истоке, который определяет формы и путь, следуя которому ребенок приобретает новые свойства, основанием, определяющим логику личности, предстает социум. Но насколько социум выглядит более убедительным источником организации умственных действий, чем «координация», «ассимиляция», «стремящиеся движения» и прочие загадочные конструкторы интеллекта, предложенные Пиаже?

Изначально и советская, и западная психология отталкивались в своих предпосылках от ассоцианизма, бихевиоризма и рефлкторных теорий, как бы задававших схемы научного объяснения психики. В отличие от мистически ориентированной философии наука стремилась строить свои объяснения с опорой на видимые взаимосвязи явлений. Но лежат ли основы организации умственных действий в видимых явлениях? Обращение психологов к проблеме детерминации мышления, сознания, личности стало возвращением к проблеме, от которой пыталась отказаться не только психология,

но и вся европейская наука. Обращение к теме детерминации вывело психологию за рамки научной традиции.

Тысячи лет логика детерминации жизни осмыслялась через представления о душе как о трансляторе субъектных способностей и форм, реализующихся в живых системах. Пока в душе видели основу лишь активности тел, ее представляли в достаточно простых образах. Как основа движения душа описывалась по образу огня или частиц, толкающих атомы тела. Но когда Сократ и Платон обратили внимание на проблему организованности и логичности понятий и возникающих в природе явлений, душа стала осмысливаться не только как движущая сила, но и как более сложная реальность, организующая формы. Если душу как двигатель можно было представить по аналогии с физическими силами, вызывающими движение, то вопрос об основах логики форм не решался путем нахождения этих основ среди видимых явлений. Невозможность увидеть истоки форм среди физических процессов стала поводом построения образов невидимых оснований, управляющих формами тел, действий и мыслей. В концепции Выготского культура выступает в роли такого невидимого основания, детерминирующего логику психических процессов.

Можно отметить сходство объяснения истоков психических форм у Платона и Выготского. Согласно их концепциям, структуры понятий и форм сознания приходят из источника, не сводимого к активности тел. У Платона таким источником форм был мир идей, находящийся за звездами. «“Идеи” Платона, — писал Э.В. Ильенков, — это не просто любые состояния человеческой “души” (“психики”), это непременно универсальные, общезначимые образы-схемы, явно противостоящие отдельной “душе” и управляемому ею человеческому телу как обязательный для каждой “души” закон, с требованиями коего каждый индивид с детства вынужден считаться куда более осмотрительно, нежели с требованиями своего собственного единичного тела, с его мимолетными и случайными состояниями» (Ильенков, 1979, с. 130). У Выготского таким источником форм мышления выступает социум — нелокальный детерминатор психических структур.

Платон разделял высшие и низшие уровни души. Высший уровень души связан у него с миром идей, детерминирующим мышление. Эта часть души более логична, менее зависит от физиологических процессов. Низший уровень души связан у Платона с регуляцией физиологических функций тела. Выготский тоже разделяет психические функции на низшие и высшие. Низшие психические функции зависят у него от физиологии тела, а высшие функции системно организованы и имеют внешне заданную логику: «Всякая высшая психическая функция, — писал Выготский, — необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально

социальной» (Выготский, 1983, с. 144). Социальный мир выступает в роли основы психических форм, подобной миру идей.

Но как возникают понятия и структуры умственных действий в социуме? Понятийные формы создаются самим социумом? Конструируются обществом по социальной логике? Или понятия лишь открываются социуму в его взаимодействии с окружающим миром? Если понятийные системы порождаются социумом, то какова гарантия соответствия понятий реальной организации природы? Если же социум лишь открывает понятия и пути решения задач, находит их логику путем взаимодействия с окружающим миром, то истоки логики мышления нужно искать не в культуре взрослых, передающих эту логику ребенку, а где-то за пределами социального мира. Но где? В идеальном мире Платона?

В истории представлений о душе мы можем видеть, что понятие *интериоризации*, столь важное для психологии, имеет древние аналоги. Если в психологии XX в. интериоризация психических процессов понимается как *присвоение* схем действия действующим субъектом, то в философских и религиозных концепциях речь идет об интериоризации психики как *имплантации* души, о вселении в создаваемого человека оживляющей его души. Благодаря интериоризации души, индивид становится субъектом и приобретает формы психических процессов. Вопрос о толковании интериоризации как присвоения средств и способов действий уже действующим субъектом или как имплантации нелокальной, но организованной энергии, порождающей субъектность человека, должен более определенно исследоваться в современной психологии.

В советской психологии достаточно ясно представлены пути передачи детям логики психических действий. Способом такой передачи выступают совместные действия взрослых с детьми, а средствами передачи социальной логики выступают речь или другие знаки, с помощью которых взрослые организуют действия. Однако если технологии передачи структуры действий детям выглядят достаточно понятными, то вопросы об основах организации логики в социуме остаются за рамками рассмотрения.

Деятельность как основа логики умственных действий

А.Н. Леонтьев, продолжая обоснование социальной детерминации психики, сконцентрировал внимание не на «интерпсихических категориях» как способах передачи ребенку логики действия, а на более мощной основе структурирования действий, которая в непосредственном восприятии открывается как длительный процесс, как сложная нелокальная система, организующая сознание, психические процессы и даже саму личность человека. Основной упор он сделал на понятие «деятельность». «Внесение в психологическую науку

категории деятельности (Tätigkeit), — писал Леонтьев, — в ее последовательно марксистском понимании имеет поистине ключевое значение для решения таких капитальных проблем, как проблема сознания человека, его генезиса, его исторического и онтогенетического развития, проблема его внутреннего строения. Оно, наконец, единственно открывает возможность создать единую научную систему психологических знаний» (Леонтьев, 2004, с. 254).

Имея столь важное предназначение для решения ключевых проблем психологии, категория деятельности должна была помочь раскрыть основы психических процессов, включая логику умственных действий. Вокруг понятия деятельности в советской психологии разворачивались дискуссии, подчеркивавшие важность этого понятия. «Мы полагаем, — писал В.В. Давыдов, — что именно понятие деятельности может быть той исходной абстракцией, конкретизация которой позволит создать общую теорию развития общественного бытия людей и различные частные теории его отдельных сфер. На этом пути стоят большие препятствия, одно из которых как раз связано с трудностями дальнейшей разработки философско-логического понимания деятельности» (Давыдов, 1996, с. 14). Если психические процессы формируются в логике деятельности, то что же является источником и основой логики самой деятельности? В трактовках деятельности, изложенных в советской психологии, субъектом деятельности представляется сам действующий человек. «Суть деятельности, — писал В.В. Давыдов, — в созидании человеческого мира человеком, в творении собственных общественных отношений и самого себя (это составляет и сущность культуры)» (там же).

Но насколько уверенно мы можем говорить о человеке, приобретающем в деятельности свои психические качества, как о творце деятельности, организующем формирующую человека деятельность? Сам ли индивид, только еще образующийся как субъект, организует структуру и логику деятельности? Или общество действует как нелокальный субъект, организующий деятельность? Или же деятельность сама является самоорганизующейся системой, порождающей логику сознания и личности человека? Не присутствует ли в деятельности, действиях и психике структурная логика, создаваемая силами, порождаемыми не человеком?

Каждый, кто внимательно читает труды А.Н. Леонтьева и стремится найти ответы на эти ключевые вопросы, замечает, что не только ясного анализа таких вопросов, но и их явной постановки он как будто избегает. В определениях деятельности не раскрыта ее главная психологическая функция — обеспечивать основы формирования личности, структурировать логику психических процессов. «Но что же мы разумеем, когда говорим о деятельности? — пишет Леонтьев. — Если иметь в виду деятельность человека, то можно

сказать, что деятельность есть как бы молярная единица его индивидуального бытия, осуществляющая то или иное жизненное его отношение; подчеркнем: не элемент бытия, а именно единица, т.е. целостная, неаддитивная система, обладающая многоуровневой организацией» (Леонтьев, 2004, с. 258—259).

Идея деятельности как основы формирования сознания соотносилась в советской психологии с философией марксизма, подчеркивалась социальная природа деятельности, а человек рассматривался и как продукт деятельности, и как ее субъект. Но скрытая от обсуждения острота вопроса была в том, что идея деятельности как формообразующей человека основы уже тысячи лет обсуждалась в концепциях, на которые советским психологам ссылаться было опасно.

Понятие деятельности имеет долгую историю за рамками научной психологии. К образу деятельности как видимому явлению души обращались в периоды кризиса религиозного мироощущения, и в античной Греции, и в позднесредневековой Европе. Обращение к деятельности было связано с критикой представлений о душе как о явлении сверхъестественном и рационально непостижимом.

Аристотель, приняв идею Платона о душе как носителе форм, выразил неудовлетворенность неясностью ее толкования. Критикуя концепцию Платона, Аристотель отмечал, что Платон не объясняет само формирование логических форм; душа лишь переносит понятия из мира идей. Но каким образом понятийные структуры формируются в идеальном мире? Переносятся туда из еще какого-то более высокого мира?

Желание конкретизировать образ души в понятных явлениях привело Аристотеля к важным аналогиям. «Итак, сказано, — пишет Аристотель, — что такое душа вообще. А именно: она есть сущность, как форма (*logos*), а это — суть бытия такого-то тела, подобно тому, как если бы естественным телом было какое-нибудь орудие, например топор. А именно: сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором и был бы таковым лишь по имени... Душа же есть суть бытия и форма (*logos*) не такого тела, как топор, а такого естественного тела, которое в самом себе имеет начало движения и покоя... Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма (глаз же есть материя зрения); с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу» (Аристотель, 1976, с. 359). Душу Аристотель рассматривает в сравнении с функцией тел: «Потому как раскалывание [для топора] и видение [для глаза] суть энтелехия, так и бодрствование; а душа есть такая энтелехия, как зре-

ние и сила орудия...» (там же, с. 396). Функция предстает как начало деятельности, в которой формируются тела. Психические функции тоже характеризуются как формы деятельности: «И этот ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью. Ведь действующее всегда выше претерпевающего и начало выше материи» (там же, с. 435—436).

Новый всплеск интереса к теме деятельности наблюдается в XII—XIV вв., на волне кризиса западного христианского мировоззрения. На переломе тысячелетий разочарование в неоправдавшихся ожиданиях «нового пришествия» спровоцировало вначале крестовые походы, а затем желание точнее понять формы присутствия Бога в мире. Если научное мировоззрение, противопоставляя себя религии, вообще отказалось от понимания человека как формируемого существа, то рациональная теология стремилась осмыслить логику участия Бога в детерминации человека. Стремление понять логику детерминации человека возродило интерес к представлениям Аристотеля о душе как о функции тела. После безуспешных попыток запретить в XII—XIII вв. чтение работ Аристотеля католическими теологами церковь вскоре приняла многие идеи греческого философа. Фома Аквинский связал образ деятельности с проблемой души, с логикой функционирования детерминирующих сил. Позже эти идеи стали официальной концепцией католической церкви.

Излагая идею действия в работах теолога XIII—XIV вв. Майстера Экхарта, М.Ю. Реутин пишет: «В основе же формы находится “движение-действие” (*operatio, actio*). Не неся в себе равным счетом ничего от действующего субстрата, “действие” представляет собой его чистое и свободное от какого бы то ни было вещества обнаружение и проявление... Действие служит средством, посредничеством между воздействующим и испытываемым воздействием, так как целью любого действия является введение формы в материю... “Всякое действие в природе направлено на то, чтобы форма, этот принцип действия в действующем, вводилась в материю”, — утверждает И. Экхарт в п. 463 “Толкования на Евангелие от Иоанна”» (Реутин, 2011, с. 122—123).

Представления о детерминирующей роли действия и деятельности в католической философии были связаны с осмыслением логики влияния Бога на организацию материальных тел. Эти идеи развивались в концепциях томизма и неотомизма, которые воспринимались в СССР как направления, явно враждебные марксизму. Это не способствовало обращению советских психологов к исторической традиции, связывавшей формирование тел с их функцией и с деятельностью. В течение десятилетий в сознание советских людей вносилось убеждение, что марксизм — это научная концепция и марксистская наука должна строиться именно в материалистической традиции.

Но толкование детерминации сознания Марксом вытекало не из научной психологии. Марксизм не был типичной наукой, а реальная предыстория марксизма восходит к философско-теологической традиции. Идеи о роли деятельности в детерминации сознания были почерпнуты не из эмпирической психологии, а из немецкой философии, исходные проблемы которой обозначил Эххарт.

Идея деятельности как основы детерминации сознания была принята Марксом от Гегеля. У Гегеля деятельность выступала проявлением духа и логику свою получала именно от духа. «Как субстанция и всеобщая, себе самой равная постоянная сущность дух есть неизменная и незабываемая основа и исходный пункт действия всех и их конечная цель» (Гегель, 1999, с. 234). Человек как воплощение духа не виделся субъектом, творящим деятельность. У Гегеля человек лишь воспроизводит уже заданную логику: «Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выравненного... Это прошлое наличное бытие — уже приобретенное достояние того всеобщего духа, который составляет субстанцию индивида и, таким образом являясь ему внешне, — его неорганическую природу» (там же, с. 15).

Маркс старался избавить основы сознания от представлений о духе, он искал истоки психических процессов в наглядных процессах, доступных восприятию: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс, 1958, с. 7). Но чем детерминирована логика общественного бытия? Какими силами и процессами задаются структуры деятельности, действий и производства? Основу деятельности Маркс видел в орудиях, в материальных средствах производства. Если у Гегеля в орудиях воплощался, опредмечивался дух, то у Маркса орудия превратились из средства воплощения духа в базис деятельности, определяющий ее логику. Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев и другие психологи, изучая орудийную логику психических процессов, не только стремились подчеркнуть этим свою приверженность материализму, но и надеялись таким путем проникнуть в основы организации психических процессов (Гальперин, 1998а).

Поиск основ организации психических структур в управляемом формировании умственных действий

Какое-то время вопросы об истоках строения психических процессов оставались в сфере теоретических рассуждений и в экспериментальных психологических исследованиях могли игнорироваться. Психологи лишь наблюдали развитие психики у детей, анализировали нарушение умственных процессов у взрослых и строили произ-

вольные интерпретации внутренней организации этих феноменов. Необходимость экспериментально зондировать скрытые основы логики и детерминации умственных процессов возникла в психологии тогда, когда П.Я. Гальперин предложил свой метод формирования умственных действий, где поставил психологов в принципиально новую позицию. В методе поэтапного формирования умственных действий Гальперин предложил исследователям стать творцами психических систем, реально конструировать процессы, которые традиционно лишь описывались в виде определенных конструкций. Казалось бы, в этом методе была лишь продолжена линия утверждения человека в роли субъекта деятельности, изначально принятая в научной психологии. Бери и конструируй действия так, как они тебе представляются. Но теперь психолог должен реально вступать во взаимодействие с невидимыми основаниями, определяющими структуру психических процессов.

П.Я. Гальперин выделял две стороны действия — исполнительную и ориентировочную. Наблюдателю открыта исполнительная сторона действия, шаги преобразования объектов в направлении нужного результата. Ориентировочная сторона действия включает в себя ориентировку субъекта в ситуации, удержание цели и задачи, контроль за качеством каждого шага и коррекцию действия под требуемую форму. Эта сторона действия не сводится к наблюдаемым шагам преобразования объектов, она в основном скрыта от наблюдения. «Основная задача психологии, — писал Гальперин, — изучить строение, законы и условия ориентировочной деятельности, ее формирование, особенности, возможности на разных этапах развития личности... Структура ориентировочной деятельности не открывается ни внутреннему, ни внешнему наблюдению. Это не “явление”, а “сущность”. Именно структура ориентировочной части всякого действия составляет его психологические “механизмы”, психологические механизмы поведения. Эти “механизмы” нужно изучить, установить, построить!» (Гальперин, 1998б, с. 169). Ориентировка и есть тот психологический процесс, который выстраивается в ходе формирования действия. Эту скрытую структуру действия должен организовывать психолог-экспериментатор.

Основная идея метода поэтапного формирования умственных действий была в том, что если при наблюдении свернутых и автоматизированных психических процессов их внутренняя структура скрыта от наблюдателя, то при формировании этих процессов у испытуемых, у которых эти процессы еще не сформированы, психолог может выявить скрытую организацию умственных действий. Любое психическое действие, считал П.Я. Гальперин, может быть материализовано, развернуто с опорой на наглядные схемы и ориентиры.

Эти ориентиры и являют собой те орудия, которые обеспечивают материальный базис действия. В ходе формирования действия испытуемый вначале выполняет его с опорой на ориентиры, проговаривая вслух логику и содержание действия. Затем ориентиры и проговаривание вслух теряют свою значимость, и действие выполняется во внутренней речи, а затем в форме скрытого от наблюдения автоматизированного процесса.

Традиционно психологические эксперименты направлены на проверку гипотез, которые исследователи выдвигают, опираясь на имеющиеся у них предварительные знания и представления. При работе методом Гальперина гипотезы о структуре умственного действия выдвигаются и изменяются много раз. При построении предварительной схемы ориентировочной основы действия психолог формулирует исходные гипотезы о том, как может быть построено действие. Затем по ходу формирования он дорабатывает гипотезы, дополняет их новыми представлениями.

Но откуда психолог может получать представления о том, как устроена ориентировочная сторона действия? Если бы представления о ее строении можно было почерпнуть в культуре общества, как это предполагается в культурно-исторической теории, то какова тогда новизна открытий, которые должны делаться в экспериментах по формированию умственных действий? Да и культура ли задает скрытую логику и строение действий? Принято говорить, что логика умственных действий имеет объективную природу, проявляющуюся в их строении. Но где располагается эта объективная природа, определяющая логику и организацию умственного действия? Особенно в тот период, когда структура действия еще не открыта сознанию психолога и не сложилась в действии испытуемого.

В 1970-х гг. под руководством П.Я. Гальперина были организованы серии исследований, направленные на изучение структуры свернутых и автоматизированных психических актов — внимания, восприятия, мышления (Управляемое..., 1977). Особый интерес вызывала организация моментального опознания объектов, включающего восприятие группы признаков и их соотнесение с системами категорий. В исследованиях Н.Н. Нечаева и А.И. Подольского были созданы технологии развертывания опознания, выявлены звенья анализа признаков объектов, разработаны схемы ориентировочной основы действий, позволявшие взрослым испытуемым опознавать сложные объекты без ошибок. Благодаря организации действий по логике поэтапного формирования А.И. Подольский сформировал у взрослых испытуемых симультанные акты опознания, протекающие менее чем за 0,5 с. Но, несмотря на то что в этих сериях экспериментов были выявлены важные компоненты перцептивных процессов,

обеспечивающих опознание, структура категоризации оставалась скрытой. Взрослые испытуемые обычно нуждались в организации перцептивной части опознания, а категоризация производилась ими в уме и не требовала развертывания. Для выявления структуры процессов, обеспечивающих категоризацию, было решено провести формирующие эксперименты с детьми дошкольного возраста, которым для опознания были предложены объекты, применявшиеся в сериях Подольского со взрослыми испытуемыми.

Наши эксперименты по формированию опознания у дошкольников проводились в 1971—1977 гг. Перед нами стояла задача организовать такую структуру категоризации, чтобы действие в ходе его формирования свернулось до моментального акта, протекающего менее чем за 0,5 с. Первоначально мы организовывали действие на основе представлений, построенных на данных Н.Н. Нечаева и А.И. Подольского. Детям требовалось более детально развернуть некоторые операции анализа признаков и их соотнесения с классами объектов, что соответствовало логике поэтапного формирования. Уже в первых сериях экспериментов были выявлены дополнительные операции, которые следовало включать в опознание для его качественного выполнения. Были организованы действия, позволявшие дошкольникам правильно решать те же задачи, которые давались взрослым испытуемым.

Однако ни у одного из детей в ходе серий экспериментов 1971—1972 гг. не была получена симультанная форма опознания. Интериоризация действия шла своеобразно, никто из детей не смог по собственной инициативе отказаться от опоры на внешние ориентиры, указывавшие на связь признаков с классами. В случае ухудшения видимости ориентиров все дошкольники стали восстанавливать образы ориентиров в своем представлении и проводили опознание с опорой на вторичный зрительный образ этих ориентиров. Любые попытки ускорить опознание не приводили к его свертыванию. В конце формирования действие выполнялось быстро, без проговаривания вслух, но развернуто в последовательности усвоенных операций. Время опознания объектов дошкольниками колебалось от 1,5 до 7 с (Подольский, Шабельников, 1977). В этих экспериментах с детьми была получена форма опознания хотя и построенная по всем правилам формирования действия, но отличающаяся от симультанного опознания объектов взрослыми. Что-то в действии детей складывалось иначе, чем у взрослых. Увидеть структуру симультанного действия и организовать ее в ходе формирования нам не удавалось. Мы не могли построить одномоментное опознание на основе имевшихся знаний о структуре этого действия.

Решение проблемы было своеобразным. В 1973 г. во сне мне пришло ясное понимание того, что умственное действие нужно строить

начиная не с первых шагов преобразования объектов, а от конца, от результата действия, с которым постоянно должны соотноситься все шаги и звенья действия. Кроме того, всякий шаг действия включался в структуру более сложной операции, должен был соотноситься с результатом, который данный шаг вносит в достижение промежуточного результата. Структура мыслительного действия приобретала при этом характер петлевых движений от образа ожидаемого результата к каждому шагу действия. На основе такого представления в 1973—1977 гг. были проведены новые серии экспериментов по организации опознания у дошкольников, где было получено simultанное опознание у детей и подтверждена правильность столь неожиданно возникшего понимания структуры умственного действия. В новых сериях экспериментов действия разворачивались по иерархической системе операций, а затем последовательно сворачивались по иерархии своих звеньев (Шабельников, 2004). Внутренняя организация умственного действия раскрылась как многоуровневая структура петлевых соотношений всех звеньев действия с функциями этих звеньев в получении результата опознания.

* * *

Вопрос об объективном источнике организации умственных действий — один из наиболее сложных вопросов в теории психологии. Структура действия не является произвольной конструкцией субъекта, а имеет сложную объективно заданную логику. Рассуждения о предметной природе деятельности и предметной основе действий не затрагивают оснований мыслительных процессов, которые не сводятся к предметам. Но поэтапное формирование умственных действий требует от психологов построения адекватных структур действий, что предполагает взаимодействие с невидимыми источниками информации об организации этих структур. Сама же природа оснований, определяющих логику и структурную организацию умственных действий, все еще остается загадкой для психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. О душе // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 370—448.
- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 39—386.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 5—328.
- Выготский Л.С.* Проблема возраста // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984. С. 244—268.
- Гальперин П.Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. I. С. 441—469.

Гальперин П.Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М., 1998а. С. 37—94.

Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М., 1998б. С. 249—271.

Гальперин П.Я., Эльконин Д.Б. К анализу теории Пиаже о развитии детского мышления // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии / Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. М., 2001. С. 296—323.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1999.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.

Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 129—155.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. С. 254—272.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М., 1958. С. 5—650.

Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления // Вопр. психологии. 1965. № 6. С. 33—51.

Пиаже Ж. Логика и психология // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969а. С. 567—612.

Пиаже Ж. Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969б. С. 55—232.

Подольский А.И., Шабельников В.К. Формирование зрительного опознания объектов у старших дошкольников // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М., 1977. С. 22—35.

Реутин М.Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта. М., 2011.

Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М., 1977.

Шабельников В.К. Формирование быстрой мысли // Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2004. С. 269—432.